

ВСЁ НАЧАЛОСЬ С ЛЮБОпытСТВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЕКСАНДРА ЧУДИНОВА

18+

Александра Чудинова

Всё началось с любопытства

<https://litres.ru/74110649>

SelfPub; 2026

Аннотация

Провинция — место, где взросление происходит между школьными звонками и объявлениями по радио. Лёша, герой без больших амбиций, познаёт мир через маленькие побеги и неизбежные возвращения домой.

"Всё началось с любопытства" балансирует между абсурдом и трагедией, становясь одновременно тёплой иронией над эпохой и исповедью. Это история о болезнях, ошибках и взрослении, о том, как принимать жизнь, учиться и не терять способность улыбаться, даже когда мир требует невозможного.

Содержание

Предисловие	4
Пролог	5
Глава 1. Собаки	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Всё началось с любопытства

Предисловие

Мой отец всегда двигался по жизни довольно аскетично. Даже после того, как его не стало, он оставил за собой лишь пару футболок, телефон, пустую сумку и зубную щетку. В его жизни не было каких-то великих целей, он не стремился оставить за собой большой след, он хотел прожить эту жизнь с приключениями, но такими, чтобы о них знал только он сам. Под конец, единственным человеком, с которым он поделился, своими историями стала я. Он не хотел оставлять меня с пустыми руками и вопросами, на которые мне бы никто не дал ответа.

В итоге я получила небольшой сборник историй про маленького постсоветского человека с его маленькими историями в большой стране.

Мой папа не стремился оставить за собой след, кроме своих детей, именно поэтому я оставляю этот след за него.

Алексею Александровичу, моему любимому папе, посвящает Серогорбая мышка, эти одинокие строчки.

Пролог

Каждый человек начинается с чего-либо. В приличных, да и не совсем, обществах принято считать, что человек становится человеком только тогда, когда научится читать, писать и хотя бы не путать шесть с девятью. Но вообще-то начинается он гораздо раньше, с самого момента появления на свет. И с этим сложно спорить.

Обычно первое, что видит новорождённый – побелку на потолке, заплесневевшие швы между плитками, заплывшие от подарочного коньяка глаза врача и только потом уже лицо матери. Такое красное, измученное, со вздувшимися венами на лбу и полопавшимися капиллярами в глазах. Вид у неё при этом такой, будто она только что пережила худшее событие в своей жизни. Но по какому-то странному человеческому обычаю она всё равно улыбается, плачет и что-то бормочет дрожащими губами.

Ну а человеку, который только вылез наружу, ничего не остаётся, кроме как повторять за ней. Другого он пока всё равно не понимает. Зеркальные нейроны, как известно, помогают человечеству окончательно друг друга не перегрызть. Не каждому понравится, если ребёнок вместо нормального крика вдруг начнёт угрюмо молчать и смотреть куда-то вдаль, будто уже разочаровался в жизни. Такое больше подходит старикам с деменцией, которые плачут без причи-

ны, но орать лишний раз не хотят, потому что берегут силы.

Пожалуй, простить младенцу подобную грубость можно только в том случае, если он сам непроизвольно «выпал» из тебя в самый неподходящий момент жизни. Любили же взрослые рассказывать истории про то, как «раньше в поле рожали и ничего, нормальные люди выросли». Отец ларёк держит, мать на мясокомбинате работает, все при деле. Только поле со временем сменилось городом. Вместо колхозов появились ЖЭКи, рынки, трамвайные депо и бесконечная сфера обслуживания.

Одной из уважаемых профессий в этой бесконечности считался кондуктор трамвая. Даже звучит солидно: кон-дуктор. В конце концов, Юрий Никулин же песню написал именно про кондуктора, а не про таксиста. А Никулин в те времена был фигурой почти святой. Разве что воду не заряжал и от варикоза не лечил.

Так вот представьте: вместо ржаного поля под ногами дрожит холодный усть-катавский металл, а вокруг не сверчки стрекочут, а бабки в шинелях ругаются из-за мелочи. Зима такая, что окна покрываются толстым слоем инея, который школьники тут же используют как холст для всяких гадостей. Ну хотя бы «лох» написать, уже достижение.

Рабочая смена в десять часов ощущается дрожью в ногах и усталым взглядом на чужие копейки. Отсчитываешь сдачу, отпускаешь человека дальше, вот тебе и трудовые будни. Работа вроде не сложная, но уважаемая. Даже собственное

место имеется, отдельное сиденье, почти трон. Стоит особняком среди остальных и смотрит сверху на уставших пассажиров. Правда, никто заранее не предупреждает, что, если этот «трон» кто-нибудь испортит, ткань будут менять за твой счёт.

Но человеку, особенно маленькому, не запретишь появиться на свет, даже если для этого придётся сделать это прямо посреди трамвая.

Треск колёс тогда звучал тихо среди испуганного галдежа пассажиров. Кто-то крестился, кто-то отворачивался с таким лицом, будто его сейчас стошнит. Водитель вышел из своей коморки, полной кнопок и рычагов, и накрыл новорождённого джинсовой жилеткой.

Какая-то старуха тут же начала причитать, что ребёнок, рождённый в дороге, обязательно вырастет либо очень счастливым, либо очень несчастным. Третьего, видимо, русскому человеку не дано.

— А за проезд он передавать будет? — донеслось откуда-то с задних сидений.

— С первой полочки отдаст. — ответила мать.

Слово это мне всегда казалось неприятным. Получка. Вроде смысл у него нормальный, а звучит так, будто человек не деньги домой принёс, а похоронку. И ведь никто никогда не произносил его радостно. Не слышал я людей, которые бы с гордостью говорили: «получку дали». Зарплату – да. Бабосики – пожалуйста. Кеш – дайте десять! А «получка» всегда

звучала с тяжёлым вздохом.

Наверное, поэтому материнский голос с самого детства у меня ассоциировался с усталостью. Неважно, что случилось. Забыл шапку: «заболеешь, лечить не буду». Не поставил куртку размораживаться, получишь вафельным полотенцем по голове. Тогда все это казалось катастрофой, а сейчас вспоминается какой-то бытовой мелочью.

Помню, как по вечерам мама сидела на кухне, поджав под себя ногу, и слушала радио, пока в кастрюле медленно остывала перловка. Иногда она засыпала прямо за столом, уронив голову на руку, а радио все продолжало бубнить про любовь к родине, вооружённых людей и очередные проблемы где-то далеко.

На смертном одре человек, наверное, вспоминает не такие моменты. Не перловку и не полотенце. Вспоминают обычно что-то большое: первую любовь, первую квартиру, первую дозу, рождение ребёнка. Все то, что ощущалось настоящей жизнью.

А мама все равно остаётся где-то рядом. Так же зовёт кушать своим усталым голосом. И ты ведь заранее знаешь, что на столе снова будет пресная перловка, а сама она начнёт клевать носом ещё до конца ужина.

Но все равно идёшь.

Не потому, что заставляют. Просто хочется успеть рассказать ей, как прошёл день, пока она не уснула.

Глава 1. Собаки

Мне тогда лет 5 было. Помню, что мы с пацанами, то были мои старшие товарищи, Гришаня и Серёга, решили отправиться куда глаза глядят, на поиски приключений и, возможно, небольшого количества алюминиевой проволоки.

Можно было понять почему парни шли на эту увлекательную авантюру, Гриша, как его ещё величали – таракан, был из неблагополучной семьи, деньги ему давали в руки раз в год и то, потому что в ларьке под домом у семьи слишком много задолженностей накопилось. Собственно, поэтому даже вкус тархуна он знал лишь отдалённо и грезил о нем в самых своих сладких снах. Серёжа, наоборот, жил во вполне себе приличной семье, мама учительница, папа военный, у него даже в последствии Денди у первого дома появилась. Саботаж он устраивал по простой причине: мама мало уделяла внимание, бляшка на отцовском ремне осточертела. Каждый из них строил определённые планы, намечивал цели, придумывал куда потратит деньги. И только лишь у меня не было никаких целей.

На мороженое раз в неделю деньги мне давал дедушка, да и отсутствие отца в моей жизни никак не сказывалось на моем восприятии мира. Я просто плыл по течению. Между мной и пацанами была определённого рода связь: мне было с ними весело, а я их не бесил.

Чаще всего гулять мы выходили ближе к 4 часам вечера, чтоб быть дома хотя бы к 10, когда родители уже точно вернулись с работы. Сегодняшний день был не из таких, по какому-то странному стечению обстоятельств Таракан задержался дома на целых два часа, не объясняя своё долгое отсутствие. Хотя ни мне, ни Серёге, тогда это не было интересно по-настоящему. Дети, как известно, существа без эмпатии и чужие переживания не могут воспринимать, как свои собственные. Сейчас, обдумывая те события, мне становится склизко на душе оттого, что я не спросил его, что случилось. Мы всем двором знали, что происходит. И взрослые знали. Только вот никто и ничего не сделал.

Единственная мысль, которая успокаивает меня сейчас, так это то, что подобные наши походы отвлекали его от насущных проблем. Появившись в нашем поле зрения, мы практически сразу же двинулись на обозначенное место, толкая Таракана вперёд вести, поскольку только он знал все маршруты передвижения по городу. Это место тогда ещё не было таким, какое оно сейчас, именно поэтому вместо красивых улиц, украшенных фонариками, нас встречал суровый бетон, поросший нестриженными кустами и деревьями. Когда ты мелкий, улица не кажется тебе чем-то пугающим и отталкивающим, наоборот она встречает тебя приятным ветром, довольными криками весёлых ребят на скамейке с зелёными бутылками в руках, шумом трамваев.

К тому же детство это пора, когда ты совершенно не за-

мечаешь, как летит время. Тебе ничего не стоит практически полчаса идти пешком от одного района до центра города, на злосчастный пустырь, за этой злосчастной проволокой. И ведь, скорее всего её можно было бы найти на таком же ближайшем пустыре в своём районе. Но кому это было важно?

— Парни, обождите пару секунд! — Таракан кричит через всю улицу так, словно хочет, чтобы его увидел каждый мимо проходящий. Есть у детей такая привычка, ведь как ещё то заставить людей обратить на тебя внимание? Человек, даже если он маленький, имеет острую потребность в том, чтобы быть услышанным. Взрослый делает это с помощью достижений в профессии, создаёт семью, становится гордостью для близких. Для маленького все гораздо проще, искреннее — ори во все горло, так может и услышит кто. Мы с Серёгой останавливаемся не сразу, играем в незамысловатую игру: кто сколько трещин на асфальте посчитает. Я выигрываю пока, потому что ростом ближе к земле, мне отсюда лучше видно, за каждой травинкой или бычком обнаруживаются сколы.

— Таракан, ты куда? — кричит Серёжа, но ответ находится и без слов. На остановке сидит мужик, на нем рваный ватник и волосы больше похожие на ёршик туалетный. Гришка к нему подсакивает и что-то говорит, с такой настойчивостью, присущей только ребёнку. Мужик отвечает редко, в основном кивками, смотрит заплывшими глазами, как будто все понимает. Они не долго общаются, сути диалога мы

с Серёгой тогда так и не узнали. Увидели лишь то, что детская рука порылась в карманах шорт и вытащила оттуда парочку копеек, всучила их «ватному» и пошла своей дорогой. Мужик тогда заплакал. У Таракана сердце было непомерно большое для его возраста. Мы двинулись дальше.

Уже очень скоро за горизонтом стал виднеться каменный забор. Ну, такой вот, на котором обычно всякие мерзости пишут, вроде: «Ксюха, я тебя люблю, спасибо за ребёнка». Если хорошо поискать, то в таких заборах всегда найдётся дырка, сделана она для того, чтобы рабочие могли время от времени сбегать в ближайшую чебуречную, поболтать с какой-нибудь местной Люськой или Олькой, скрасить свой скучный вечер, пропахший пылью от бетона и рвотой на футболке, от первенца, которым одарила любимая жена.

Гришка такую дырку знал, что и позволило нам довольно быстро оказаться за стенами. Ничего удивительного, самый обычный пустырь, с парочкой пустых человеческих будок и кучей металлолома на вкус и цвет. Взрослый человек не увидел бы в этом месте ничего примечательного, скорее всего обошёл бы его стороной, по причине необъяснимой тревоги из-за отсутствия людей в месте, которое по сути своей должно быть наполнено жизнью. Звук копающей техники, крики рабочих, зажимающих сигарету между зубов — мелодия индустриализации в чистом виде. Но сейчас здесь было подозрительно тихо, никто из нас не видел конца этого, словно существующего с самого начала времён, места. Место, со-

зданное человеком без самого человека, выглядело удивительно пугающе. Отлетающие куски полиэтиленовой плёнки весело скачут на ветру, играясь с размокшим от дождя желтоватым песком, который ещё очень часто рассыпают на дороге зимой, чтобы в травматологии поменьше бабушек сидело. Пейзаж не из приятных, но не могу сказать, что детьми нам приходилось выбирать. Нами двигало лишь несколько вещей: энтузиазм, злоба и желание купить кремний для зажигалок в ближайшем сельпо.

— Чуваки, зырьте! — Серёга тычет пальцем, показывая на длинный кабель, что лежит недалеко от пустых проржавевших бочек. Непомерно тяжёлая вещица для детских рук, привыкших разве что к рогатке и авоське с бутылками из-под кефира. Чтобы вы знали, резина, которой обивают кабельные жилы из алюминия — это вам не хухры-мухры, режутся они тяжело. Серёжка тогда у отца нож своровал, трофейный, привезённый из Афгана, да и тот с этой задачей справлялся слабо говоря не очень. Время летит незаметно, это лишь в глазах каждый миллиметр кажется сию секундной победой, а со стороны без слез не взглянешь. Не понятно почему мы тогда вообще верили в то, что сможем этот кабель утащить. Особенно не понятно, почему не подумали о том, что кто-то из взрослых, увидев трех шкетов с алюминиевым кабелем, совершенно не смутится.

— Все, баста. Руки отваливаются. Лёха, давай ты. — Таракан протягивает мне нож в руки, освобождая себя в оче-

редной раз от ответственности. Я беру с удовольствием, быть причастным — приятно. Гриша присаживается к Серёге, они курят одну сигарету на двоих, была у них такая привычка, вытащить из отцовской пачки с суровым названием «Беломорканал» белую палочку, а потом дымить, закашливаясь. И пока взрослые называли это протестом, подростковым бунтом и прочими словечками, ничего на самом деле не говорящими, в действительности это лишь было попыткой оказаться, таким, как и все. Не стесняться того, что ты не можешь себе позволить того, что могут себе позволить другие без зазрения совести.

— Пацаны, вот когда провод этот сдадим, я себе наконец-то Электронку куплю, а на сдачу, если останется, то я бы себе подшипников накупил. — В очередной раз закашливаясь, Таракан причёсывает волосы с довольным видом. — А вы чего купите?

— Хотел джинсы на рынке посмотреть. Батя говорит их только петухи носят, а мне нравится. — Серёга ковыряет палец пальцем, глядя куда-то в пустоту. Гриша толкает его в плечо со всей силы и ржёт.

— Нихуя не понимает твой батя, Серёга. Рэмбо, вот, например, он разве на петуха похож? А джинсы носит. Так что бери на здоровье. — Рыжему палец в рот не клади, откусит с корнем. Серёга же ничего не говорит, лишь кивает тихонько. Ему одобрение не нужно, ни от Таракана, ни уж особенно от меня, я это ещё тогда понимал.

— А ты, Лёх, — Таракан резво разворачивает голову. — Ты чего хочешь купить? — Гришка продолжает ржать, сверкая своими отсутствующими передними зубами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.